

Леонид ЛУЦКИЙ

Записки на одесских салфетках

Один недобрый тип ехидно заметил: "Если ты уехал из Одессы в 17 лет, то стал человеком, а если остался, то — одесситом". Кстати, он вернулся...

Поначалу я решил перебраться свои салфетки по тематике, но их уносило ветром кондиционера, будто парусники в шторм, поэтому я прижал их пепельницей и выдергивая бессистемно, возвращаясь к темам и забывая оные. Словом, "тревожно мысль моя то путалась, то рвалась..."

Одесситы по-прежнему провинциально торжественны, и на задрипанной двери бывшей квартиры моей жены в Отраде я прочел: "Уважаемые жильцы и гости (!) нашей парадной!" Далее шел текст о новой пружине, которую они поменяли, и настоятельная просьба придержать дверь.

Одесситы полны оптимизма. Там же красовалась неказистая вывеска: "Похоронное бюро "Карлтон". Без обеда и выходных". Пожалуй, это одно из немногих мест, где сохранились ударники труда. Еще одно похоронное бюро, "Восход", породавало объявлением: "У нас есть кошерные гробы".

Одесситы убеждены, что у них монопольные авторские права на все литературное наследие своих земляков, поэтому вывеска "Матрасы "Венето". Здоровый сон" была подкреплена цитатой из Ильфа и Петрова: "Человек, лишенный матраса, жалок!".

Радовала точность находок. Комиссионный магазин назывался "Шкаф", у некоторых вывесок я реально тормозил. Скажем, "Ноутбук в цитрусе". Без всяких кавычек, с прописной буквы, а "Цитрус", оказалось, это магазин компьютеров. Какое-то время обескураживала назойливая надпись "Пельмени в компоте". "Компот" оказался чудесным недорогим домашним рестораном на Дерибасовской, где к пельменям с утятинной, грибами, бараниной и кальмарами (?) подают банки с вишневым и клубничным компотом и половник. И это в единственном городе СССР, где так отчаянно ворвались продавцы газированной воды, что приходилось заказывать "полтора сироп".

Одесситы по-детски категоричны. "Есть всё!" — гласило многометровое полотнище, а ниже имелаась довольно кривоватая приписка: "бытовая техника".

...Мы гуляли по Французскому бульвару, бывшему Пролетарскому. Жена показывает на какой-то дом:

— Здесь жила всякая обкомовская сволочь. Его так и называли: "Пролетарский дом на Французском бульваре".

А переулочек, где чудом сохранилась ее бывшая дача, захваченная со всех сторон особняками новодела, всегда называлась Шампанским, потому что рядом — знаменитый и действующий завод Редефера. Я вот жил на улице XXI партсъезд угол 40 лет Советской Украины. Какая гадость!

Традиционный одесский юмор жив, и перлы по-прежнему рассыпаны в разговорной речи. Рядом с главным корпусом тубдиспансера разместился помпезный и престижный ресторан, и его тут же нарекли в народе "Палочка Коха".

Канцелярит офидоза тоже неистребим. На спуске пляжа "Отрада" мы прочли: "Купание собак и нахождение их на пляже строго запрещены!". "Нахождение", даже не пребывание. И тут же висела равновеликая реклама "Собаки Баскервилів. Сенсация в Одесе!" Выходит, своим нельзя, а гастролеж можно?

Коты — такая же принадлежность старой Одессы, как и набившие оскомину бренды. Недаром к ногам памятника Тете Соне в рыбном ряду на "Приводе" ластится кошка.

Наш общий приятель, преуспевающий врач Боря, будучи слегка подшофе, пробует поздно ночью набрать код замка в парадном. После седьмой неудачной попытки он услышал голос из темноты:

- Вы здесь живете?
- Да.
- Вы знаете кота Мурзика?
- Нет, — ответил Боря, и в этот момент замок чудом открылся. Проскользнув в парадное, чтобы ненароком не зашибло дверь, он успел услышать вслед категоричное:
- Нет, вы здесь не живете!

Одесские парадные — отдельная печальная песня. Их не коснулись политические перемены, а ветры истории оставили в них лишь зияющие проломы. В Израиле, как, наверное, и везде, обитатели одного дома, подъезда — люди примерно одного же класса. Мне и в голову не придет поселиться в доме, где за подъезд и озеленение собирают по 600 — 800 шекелей, но я знаю вороньи слободки на периферии, где не могут собрать и 15. У нас живут по принципу: по Сенке и парадное. В Одессе ни одну из наших посиделок не миновала тема ремонта подъезда. На фоне квартир наших друзей Эрмижаз вы-

глядит чистенько, но бедненько, зато в каком парадном — разлуха по профессору Преображенскому. Рухаются многометровые пласти штукатурки, валяются крыши, а на старинном особняке напротив Дома ученых я увидел табличку: "Осторожно, возможно падение фрагментов лепнины". То есть эта стоянка улицы опасна, как во время обстрелов блокадного Ленинграда.

Как правило, в подъезде из шести — восьми квартир есть две, хозяева которых согласны оплатить большую часть ремонта, но нет никакой возможности заставить остальных внести скромную лепту. Эти Швондеры смотрят им в руки, рассматривают ваши вложения в их дизайн как естественную форму экспроприации экспроприаторов, и социальная ненависть в них сильнее потребности в уюте. Единственное, чему их научили за последние двадцать лет, это не мочиться на собственной лестничной клетке, а для "гостей нашего парадного" придумали кодовые замки. Мы ходили по городу со столовым ножом, которым я ловко, одним тычком отодвигал язычок замка по ночам, но, хоть убей, не мог этого проделать днем, на трезвую голову. А в подъезде у нас жили вполне приличные люди: очаровательная сестра Анна, полька из католической миссии, пара состоятельных соседей и религиозная еврейская семья с маленькими вежливыми мальчишками в пейсах. Мы друг другу всю неделю кричали: "Не закрывайте, пожалуйста, двери!" Однажды глава ортодоксального семейства поблагодарил меня за эту чертову дверь, я, понятно, на автомате сказал, что не за что, и тут до нас дошло, что говорили мы на иврите.

Хотя одно парадное все-таки достойно плетета. Это кафе "Парадная" на Соборной площади. Там собирают рецепты и ежегодно издают свою поваренную книгу. Удостоился грамоты за свой рецепт "фальшивого омара" на базе днестровского рака. Там же, на площади, купил магнитную наклейку на холодильник "Еды нет" — мне же по возвращении опять на диету садиться.

Может, глаз замылен, но не видел я в Одессе, как в Москве, толпы нищих и беспризорных детей. Хотя, конечно, в одном отдельно взятом парадном...

Невозможно построить капитализм в одной отдельно взятой квартире, поэтому дети большей части наших друзей, независимо от национальности, уже далече. Остался единственный ребенок, Женечка, которая, на радость папе и маме, пока еще не защитила диссертацию. Еще одну девочку мы на днях ведем под хупу в Израиле. Их папы уже мрачнеют в предчувствии разлуки.

Мой приятель, щирый украинец, чья дочь давно окончила Беркли, рассказал, как в ресторане за соседним столом дети новых украинских играли в слова. Все дети играют в слова, но эти называли модные бутики, рестораны, иномарки и фирмы:

- "Зара" (бутик, — прим. авт.).
- "Александровский" (ресторан).
- "Имамото" (суши-бар).
- "Орхидея" (бутик).
- "Ягуар" (навороченный автомобиль).

Коснулся ли моих знакомых кризис? По большому делу ударил очень больно, но к ним неожиданно вернулись интеллигентные черты, и они вспомнили, что были когда-то кандидатами наук и людьми иных приличных занятий.

Мои одесситы стали удивительно аполитичными, померанцы их уж давно отцвели, и на все мои расспросы о кандидатах предстоящих выборов отвечали брезгливо и неохотно. Такая украинская версия русской классики: "Воруток". Только звучит грубее.

Побывал на митинге на Екатерининской площади. Абсолютные люмпены, сохраненные плоды пьяного зачатия, дружно сдавали футболки и транспаранты, и по воздуху уже разносился запах обещанного пива. Крепкие жилистые старухи предвкушали свою прогулку по "Приводе". Их кандидат "обещал услышать каждого", его слова да богу в уши. Но свобода слова — главное достижение Оранжевой революции — жива: на этом бы фундаменте да экономику построить. Чинюнов видел: не чета нашим, морды лоснятся уверенностью в завтрашнем дне. Но и у народа взгляд не потухший, научились выживать без всякой надежды на государство.

Из разговора с бизнесменами понял, что главный термин современных финансовых операций — это кому-то сколько-то "взнести". То есть поголовный уход от налогов — только кажущийся, на самом деле они платят налоги в виде взятки различным госчиновникам. Здания судов, особенно хозяйственного, как и санитарной службы, отремонтированы с любовью. А памятник Взятке (Апельсину) с Ланжероновской убрали подальше, на бульвар Жванецкого: он местным чиновникам мозолил глаза. Аналогичная судьба постигла и монумент грядущего хама — памятник Потемкинцам. Он

теперь стоит на Таможенной площади, и братишка показывает рукой на стайку путан, там у них стойбище. Зато на прежнем месте, несмотря на протесты заезжих казаков, гордо высится Екатерина с фаворитами, каждый из которых имел прямое отношение к этому городу. Но одесситы бы не были одесситами, если бы не разобрались с этой щепетильной для нынешней Украины темой без казаков. В саду скульптур Литературного музея стоит изумительная лодочка на эту величественную скульптуру. Императрица держит в руках "русско-украинский разговорник", у фаворитов — свои любимые книги: автор генерального плана города Деволан читает "Путеводитель по Одессе", Дерибас знакомится со Жванецким, в руках Потемкина — "Конармия" Бабеля, а у Платона Зубова — "12 стульев".

Украинская речь в городе уже как-то слышна и, что особенно приятно, не восточный суржик, а красивая литературная мова. У Потемкинской лестницы дежурит опереточный гетман в мехах, тяжелом жупане и с шашкой, зовет туристов фотографироваться. Мы его встретили в кафе на Дерибасовской. Стоял удивительно жаркий для октября день — 26 градусов. Офицер участвовал спросил, не легко ли он оделся. Заботливый.

Умиляет доброжелательность одесского сервиса. Тебя любят даже за небольшие денюжки продавцы, официанты, рыночные торговцы, таксисты и киоскеры. Тебя любят — и, что характерно, бескорыстно — прохожие. Вы можете представить такого гипотетического москвича? Куда девалось знаменитое совковое хамство? А рестораны чудо как хороши. Они все абсолютно индивидуальны, со своим дизайном, и все, что есть в меню, съедобно.

Это классная смесь еврейской домашней кухни (чимес, форшмак, фаршированная рыба, карп, оладьи из тюльки-сардельки), черноморско-средиземноморской (греческий салат, камбала, кальмары, мидии, скумбрия-качалочка, кефаль, рапаны — они вернулись), украинской (вареники, вертеники, борщи, грибные юшки, деруны — уж простите меня, белорусы, это давний спор; соленая, кровавая и домашняя колбаска с "Приводе"), знаменитый челога — отбивная на косточке, судак, узвар из сухофруктов, квасы с изюмом, наливки и настойки) и правда хорошая французская кухня, описание которой я пропускаю за недостатком места и в надежде на вашу кулинарную эрудицию. Цены? А вот представьте, что вы поменяли свой трудовой шекель на 2,2 гривни и получили счет в самом дорогом месте минимум в два раза меньше ожидаемого, не считая щедро заказанного горячительного. До израильского счета можно догнать только при наличии в заказе французских или итальянских вин, но я боролся с глобализацией. Тамошний ресторанный абортен Колька меня просветил:

— После отъезда курортников, в межсезонье, ходить можно только в 15 проходных кабаков. Там все свежее.

Колька — сноб, ходить можно повсюду. Рекомендую кафе "Лунный свет" на улице Растера, где кофейные цены и лучшие в Одессе рапаны и фаршированные кальмары. У меня есть друг Валечка, настоящий капитан дальнего плавания, вот мы с ним и погрузились по ватерлинию. Держит "Лунный свет" его товарищ — кандидат наук — с женой-художницей, и прямо с экспозиции нам сняли таранку.

Можно в "Печескаго" и этажом выше — в "Уточина", где подают крем-суп из белых грибов и такую говядину, что хочется съесть и шеф-повара. Повар проверяется на говядине, а свинину, рыбу и курицу только калека может испортить. Добил меня дизайн "Дачи" на Французском бульваре. Официантки в крепдешине, панамы, душевая кабинка в саду, ванна посреди зала, стилизация открытой проводки и три скворечника едких тонов с объявлением "Здам скворечник почасово. Дрозд". Да, именно через "З" — "Здам". А вкусно как! Считайте эти иллюстрации рекламой заведения.

Зайдите в "Куманец" на Гаванной, чтобы раз и навсегда понять принципиальное различие между южной украинской кухней и северной — русской. Посетите "Гоголь-моголь" на Гоголя — ностальгию по коммуналке — и "Гоголь-моголь" на Даче Ковалевского, с видом на море. Единственное, что их роднит, это стимулирующая творчество в туалете. К услугам посетителей — мел и фломастеры. Надписи, должен заметить, весьма целомудренные: "Олежка, мне хорошо с тобой. Твоя жена Валя". "Люблю Наташу. Дима". Ну и так далее, пока я не набрел на что-то оригинальное: "Суслик, сука, личность!" Мы всей командой зауважали Суслика.

Фраернулись мы только один раз, заказав в подозрительно пустом кабаке раков.

Я пригласил мадам-администраторшу и попросил съесть одного. Хитрая, хоть и лимита: я, говорит, их не ем, у меня на них аллергия.

— Я же не ваш аллерголог. Или вам санитарного врача пригласить?

Не извинились, но из счета исключили. Одеты одесситы, на наш разгильдяйский израильский взгляд, излишне торжественно. Особенно мне понравилась мужская обувь, вся лаковая, остроносая, в ней нарядно хорошо. Цены задраны так, что в магазинах только продавцы, покупатели эти бутики стороной обходят. Да и так подумать: за какие деньги такую армию продавцов и швейцаров содержать? Мы даже поехали на приличный вещевой рынок на улице имени 25-й Чапаевской дивизии. Ряды стекляшек образовывали улицы и именовались торжественно: Монмартр, 5-я авеню, Мари Роз, Риволи, Диора, Бродвей. Но на Бродвее и даже на нашей Кикар Медина дешевле. Цены — в у. е., то бишь условных единицах — долларах. Нужно быть полным у. е., чтобы там покупать. Но я какую-то херню сторговал, как когда-то говорили: оправдал поездку. Так и гулял в полном одиночестве.

А еще (жалеть или радоваться, что ничего не работает?) дельфины вернулись, симпатичные черноморские дельфинчики. Резвились у нас на глазах перед яхтами и катерами. Был ли я на "Приводе"? Ну, понятно, был. И "Приводе", в отличие от знаменитого рынка в Риге, не потерял своего великолепия. Одесских баек рассказывать не буду, они традиционны, зато порадовал нас вуйко-западенец с сушеными грибами:

— Из Израиля. Та я ж бачу. Визмигри грибочков, як там наши еврей без грибочков мучаються!

Я и взял грибочков, жирной черкасской таранки с икрой, бичков (нужно правильно писать это слово), салца, домашней колбаски, кровяночки, малосольного брынзочки, сулугуни с базиликом. Но воздержался от алкоголя и базарного неафинированного, знаете, такого с душиком, постного масла. Никакой жидкости, потому что опытный. Умело распихал по чемоданам и категорически запретил нашим друзьям дарить коньяки и вина. Не тут-то было, Мишка, великий одесский стоматолог, таки привез бутылочку винца, штопор и разовые стаканчики. Ловко так выдернул, словно зуб, пробку, разлил, и как нам захоросило на старые дрожжи. Идем мимо таможенников, смеемся. Те стоят, как всегда, торжественные, но слегка обескураженные. Все ругаются, платят за перевес, им, понятно, предлагают "договориться", но настроение у народа уже не то, отдых испорчен. Из-за чего? Из-за дерьма. Бутылки шабского вина за тридцать шекелей. Странные люди. Нас, блаженных, почти формально спрашивают:

— Не везете ли лекарства, продукты?

— Боже упаси, — голосом одесской хайки говорит жена.

— А сколько у вас денег?

— Я не знаю, надо спросить у мужа, — она уже вошла в роль.

— Сколько у нас денег?

— На такси из аэропорта точно осталось.

Ну что с нас взять, разве что пожелать счастливого пути.

Прохожу через рамочку, выкладываю на поднос часы, сигареты, ремешок. Говорю:

— Ой, какой у вас красивый подносик, можно взять? В смысле — вещи.

И тут таможенника, наконец, проняло, расплывается в улыбку, все-таки одессит:

— Вещи — пожалуйста, но подносик наш!

В курилке стоят ор и мат:

— Лучше бы, блин, я через Кишинев летел. За две бутылки коньяка заплатил почти триста долларов!

Нет, этот персонаж меня преследует тридцать лет, и ему всегда не больше тридцати. Существует стойкая легенда о добрых кишиневских таможенниках и злых одесских. Я, пожалуй, не удержусь и расскажу анекдот о молдаванах, в Одессе по-прежнему в почете анекдоты о молдаванах. Только не пересказывайте его нашему министру иностранных дел. Если я кого-то обидел, можете позвонить и рассказать еврейский.

Два молдавана приехали на работу в Одессу, сделали богатому еврею евроремонт, он расплатился с ними в три раза меньше, чем договорились, но в два раза больше, чем они рассчитывали. Не спешить же с деньгами домой, в деревню. Взяли на радостях на двоих самой дешевой колбаски, гогошари, брынзу, бутылку недорогого паленой водки и, опять же на двоих, самую дешевую девушку. Сняли комнату на Молдавкне, утром просыпаются: ни денег, ни вещей, ни девушки. С горя пошли к морю попить. Один поймал в трусы золотую рыбку:

— Хоть пожрем перед смертью.

— Не ешьте меня, я старая, костлявая, тинной пахну, давайте я вам напрягусь и одно желание на двоих выполню.

— Ладно, пусть на этом месте стоит стоэтажный отель. И чтобы только мы с братом могли его штукатурить!